

Генрих Лоцкий

Путь к Отцу

Выдающиеся немецкие теологи

Генрих Лоцкий

Путь к Отцу

«Отто Райхль»

1923

Лоцкий Г.

Путь к Отцу / Г. Лоцкий — «Отто Райхль»,
1923 — (Выдающиеся немецкие теологи)

Религии обещают людям спасение, но... в неопределенном будущем. Иисус же утверждал, что достичь освобождения можно здесь и сейчас. Это главная мысль книги, которую написал немецкий теолог и философ Генрих Лоцкий. Он пишет об Иисусе, который противостоял всему миру, умер на кресте и одержал величайшую победу. Автор прослеживает историю духовных поисков Иисуса, поправшего закостеневшие религиозные догмы и указавшего всем и каждому путь к Отцу. Победа Иисуса может стать победой каждого из нас.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Эта книга – один важный вопрос к тебе: Кто ты?	5
О пути к Отцу	6
Книга первая	9
Появление Иисуса	9
Среда Иисуса	9
Дитя Израиля	11
Двенадцатилетний	13
Взросление[3]	16
Первая притча о трапезе	16
Рассказывание историй	18
Семья в Назарете: домашний уклад	20
Взрослеющий юноша	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Генрих Лоцкий

Путь к Отцу

Предисловие к русскому изданию

Эта книга – один важный вопрос к тебе: Кто ты?

Кто ты есть и, прежде всего, в глазах Отца? Каким путем ты идешь, и к чему ты привязан всем своим сердцем? Что тебе ближе всего? Можно возразить, что такой вопрос здесь вовсе не ставится, что эта книга «только» об Иисусе и его жизни. И все же с ней неразрывно связан один важный и, возможно, самый главный вопрос твоей жизни.

Немецкий теолог Фридрих Цюндель (1827–1891) написал книгу об Иисусе, как бы рисуя отдельные картины из его жизни. Данное произведение, вероятно, самое лучшее и самое глубокое из всего того, что когда-либо написано об Иисусе на основе Евангелия, которое люди читают из поколения в поколение. Генрих Лоцкий переработал эту книгу Цюнделя, местами весьма трудную для нашего понимания, и сделал ее доступной для нас¹. Тем самым он дает нам простое, но одновременно очень ясное изображение жизни Иисуса и тех условий, в которых жил и совершал свои деяния Иисус.

Всякий, кто берет в руки эту книгу, кто отправляется на поиски с серьезными намерениями, тот в результате становится тем «стучащим», – конечно, если им уже давно не был². Пройдет какое-то время, возможно годы, и если мы не ослабим своих усилий, то однажды отворят и нам – дверь, ведущую к живой вере. Произойдет это, когда мы внутренне созреем и наступит самый благоприятный для нашего развития момент. В тот день и час мы узнаем, что никакого различия между «здесь» и «там» нет, и привычный нам мир и мир духовный сольются воедино, и мы научимся смотреть на наш мир, на наших ближних новыми глазами. Тогда-то мы вновь зададимся извечными вопросами – кто мы? Куда мы идем? И наверняка увидим себя и свою жизнь в другом свете, причем собственными глазами, насколько это позволит достигнутый нами уровень познания.

Но и тому, кто уже удостоился счастья носить в своей душе живую веру, эта книга, несомненно, поможет глубже постигнуть жизнь Иисуса. Такое обширное ее понимание наверняка даст нам немало ценных, если не сказать решающих, подсказок для нашей собственной жизни и нашего возвращения в дом Отца.

День Всех святых, 1 ноября 2007 г.

М. Дрегер

---

¹ Лоцкий рассказывает: «Перу Цюнделя принадлежат три произведения: „Иисус в картинах Его жизни“, „Из времен апостольских“, „Иоганн Кристоф Блюмгардт“. Они представляют собой лучшее из духовных ценностей, созданных моими современниками. Но в итоге все три произведения остались незамеченными. По моим оценкам они разошлись общим тиражом не более 6-12 тысяч экземпляров. Мое негодование по поводу данного обстоятельства в основном и побудило меня взяться за перо. Так я стал писателем. Мною завладела мысль: надо не переиздавать эти три книги Цюнделя, а написать их заново. Никому, кроме меня, такое было под силу».

² Мф. 7: 7-11: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него».

О пути к Отцу

Отец, Мать! Эти два понятия не нуждаются в особом пояснении. Любой человек вкладывает в них собственное содержание – в зависимости от возраста, образования, умения познавать, но для каждого оно целостное, верное, вот только полнота познания у любого из нас своя, в меру его способности к восприятию.

Видеть в Боге отцовское или материнское начало – вот то наивысшее знание, которое когда-либо открывалось людям. Одновременно это было наипростейшее, самое верное и глубочайшее объяснение мира, истина для всех и каждого. То, что не всякому понятно, вообще никакого значения в отношениях между Богом и человеком не имеет. Любая мудрость, предназначенная для всех людей, в книжном изложении вовсе не нуждается. Единственное принятое всеми обозначение Бога выражено словами: Бог есть Отец. Эти слова понятны каждому, их может произнести любой человек.

Происхождение этой истины, известной с незапамятных времен, установить невозможно. Но она настолько очевидна и легко понятна, что каждый народ смог ее обрести самостоятельно, ни у кого не заимствуя. Многие народы видят в Боге воплощение отцовского начала, иные же – материнского. Скорее всего, это зависело от того, кто – отец или мать – ценился и почитался тем или иным народом больше. Но так ли уж это важно? Ни в материнском, ни в отцовском начале нет никакого признака пола, здесь находят свое отражение лишь существующие взгляды и убежденность в авторитете и могущественности одного из родителей.

Но тезис «Бог есть Отец» – всего лишь часть истины. Правда, для ее постижения потребовалось немало времени.

Данная формулировка, возможно, существовала еще в Междуречье или в Египте и являлась самой сокровенной тайной жреческих оккультных наук. Подобную формулу мы находим в древнееврейской Библии, у греков и римлян, и непременно у всех народов, зависимых от Египта. Но более как формулу, лишенную подлинной реальности жизни. В то время познание было повсеместно затуманено многобожием. Даже авторы Библии не лишены представления о том, что наряду с Иеговой, истинным Богом, существуют и менее могущественные боги, покровительствующие людям и природе. Но быть в ладах с тезисом еще далеко не значит обладать истиной. Через тезисы приходят к науке, путь же к Отцу – искусство, то есть нечто в корне отличное, некое особое существование в этом мире, а вовсе не одно лишь знание.

Тезис «Бог есть Отец» звучит весьма отраднo, но без него как религиозной догмы можно в конце концов и обойтись. Как переживание души – это начало нового бытия, это жизнь и блаженство ныне и во веки веков, это истина, которая коренным образом меняет мышление и бытие, она – наивысшая из всех сил, сдвигающая горы и воскрешающая мертвых.

Иисус – первый и, к сожалению, чуть ли не последний, кто воздвиг на данной истине все свое бытие. В его эпоху эта убежденность существовала как некая передаваемая из поколения в поколение мудрость, но он в ней обрел плоть, стал обитателем планеты Земля, чувственной реальностью. Когда есть Отец, все должно стать по-другому, всем лишениям должен прийти конец, человек сумеет восторжествовать над всем, что ему враждебно, над грехами, религией, смертью, дьяволом, – короче говоря, над всем происходящим из тьмы и отягощающим человеческую жизнь, над всем, что существует в действительности или в воображении. И Иисус пожертвовал жизнью, всем человеческим существованием не для того, чтобы доказать некий тезис, выдвинуть учение или создать религию, – он хотел, чтобы Отец стал реальной ценностью бытия на земле, ценностью, с которой можно и нужно считаться, и даже более того – непременно сделать ее мерилom всего.

Любой человек, почувствовавший в себе эту доселе неведомую ему силу, начинает в корне меняться, и, что удивительно, все условия его жизни, люди и вещи вокруг тоже изменя-

ются вместе с ним. Чудесные переживания наполняют его жизнь, благодатному развитию нет предела.

Религии со временем утрачивают свою жизненную силу, но всегда находятся люди, готовые постигать искусство вечно зеленеющей жизни. Они не хотят ничего иного, кроме как жить! Что ж, в Отце – жизнь и свет для рода человеческого. Бездомный обретает кров, покинутый – близких, больной получает уход, наполняющий его жизнью, отчаявшийся – дружеское утешение, обманутый – совет. Все лишения превращаются в неисчерпаемую радость, неизбежная смерть – в вечную жизнь. А если так, почему бы всем людям не устремиться к такому благу? Подобное трудно себе представить в нашем мире, всецело поглощенном заботами о материальных ценностях.

Ох как трудно обнаружить в себе умение находить такой путь. Нам это хорошо известно, ведь сие умение, говоря откровенно, нами утрачено. На пути к Отцу оно было вытеснено скучной, безжизненной наукой, от которой каменеет душа.

Иисус сказал себе: нужно непременно пройти этим путем к Отцу, не должна дорога оставаться не обозначенной. Я пройду по ней и укажу всем путь, который станет для людей истиной и самой жизнью. Но если когда-нибудь на земле будут жить люди, которым не удастся найти сей мало исхоженный и лишь недавно открытый путь, тогда пусть источник жизненной силы человечества занесет песком и все останется таким, каким было прежде.

Он не допускал такого развития событий. Но порой мрачное предчувствие тяготило его и стоном вырывалось наружу.

Конечно, для нас в первую очередь важно великое открытие, совершенное Иисусом, и обусловленный этим вопрос: как нам, людям, последовать за таким Человеком? Как ощутить Отца истиной своей жизни, реальностью? Как обновиться нашему миру, нашему времени? Как встать на путь к Отцу? Мы страстно хотим подлинного жизненного блага. К Иисусу нас влечет неутолимая жажда жизни и исходящая из глубины души потребность в нем. В нашем вопрошании присутствует вполне оправданное любопытство: как он пришел к Отцу? Как этому Сыну Человеческому удалось достичь единения с Отцом и, стало быть, поставить перед собой цель: се, творю все новое.

Но перед нами предстают как бы два Иисуса. Один, открывший путь к Отцу, – пылкий, волевой, почти не гнушающийся насилием, твердый как скала, упорный богоискатель, счастливцев, отыскавший жизненные сокровища и раздающий их людям. Другой – кроткий, ангелоподобный, чуждый миру нездешний гость, породивший, благодаря человеческим измышлениям, целую вереницу фантастических религиозных образов, тот, кто не в состоянии жить вместе с нами и обретает свое туманное царство лишь после смерти. Этого второго мы не хотим знать. Мы хотим знать подлинного Иисуса, человека, мы ведь тоже люди и потому не в состоянии обуздать свои страсти. Мы хотим выучиться у него искусству видеть путь, которым теперь сможем пойти и мы. Но позже – если его найдем и если наша жажда жизни будет утолена, – если!.. Вот тогда-то мы многое сделаем, возможно, обратимся к науке или займемся изучением теологии. Но прежде нам важно познать Иисуса, только с его помощью разрешима загадка нашей человеческой жизни. Приверженцы различных направлений христианства утаили его от нас, поскольку его у них попросту нет и они поглощены странной надеждой обрести Иисуса после смерти. Не будем их лишать ее. Но мы хотим жить сейчас, мы хотим уже сегодня жить вечно подобно Иисусу. Нам необходим другой источник. Библия? Ах да!.. Она вполне годится для такой цели. До чего же она проста без тяжелых научных доспехов. Изучение Библии, бесспорно, исключительно важно и полезно, но наука, хоть и библейская, цепляется за букву. Лучше займемся ее изучением позже, как-нибудь в свободное время, в тишине и покое. Сегодня же мы испытываем жажду и нуждаемся в силе, а буквы, как это ни печально, жажду не утоляют. Мы хотим настоящего, живого Иисуса.

Библейские повествования вполне убедительны и искренни. Они о нем рассказывают, но нам, возможно, из них понадобится лишь то, что соответствует нашему пути к Отцу. Каждый из нас носит в себе частицу Бога, а стало быть, и некое мерило божественного, некую способность к пониманию истинного Христа. Если бы мы не знали иного пути к Богу, к Иисусу как только через изучение Библии и теологии, то были бы самыми жалкими из всех людей. Но у человека как такового есть путь к человеку Иисусу, ему указан непосредственный путь к Богу, без книги и букв, ибо мы все уже в пути. С давних пор. На пути к Отцу.

Книга первая Приход в мир

Появление Иисуса

Среда Иисуса

Даже самый невнимательный читатель Евангелия обязательно заметит, что Иисус постоянно называл себя «Сыном Человеческим». Многие реформаторы приводят убедительные доводы в пользу того, что данное определение восходит к более ранним повествованиям, это слово якобы было заимствовано у пророка Даниила и из известных пророчеств и вложено ему в уста. Не исключено. Но достоверно и другое: Иисус воспринимал себя полноценным человеком и хотел быть уверенным, что его таким признают и другие.

Уже поэтому он, бесспорно, претендует на простое человеческое уважение. Человек ему вовсе не кажется жалкой тварью, какой его часто представляют. Он – и это несомненно – считал человечество своего рода дворянским сословием среди прочих тварных существ, более высоким по сравнению с тем, что признается и смутно ощущается нами сегодня, что мы осмеливаемся лишь робко высказывать. И эту веру он оправдал. В нем человек действительно возведен в дворянское достоинство.

Когда мы смотрим на Иисуса как на человека, который искал и нашел путь к Отцу, то и нас, людей, и наш путь к Нему озаряет благодатный свет. Иисуса, как и нас, родила женщина, и простота его человеческого существования вызывает у нас сочувствие уже потому, что она характерна и для нас, призванных самой жизнью к тому же устремлению.

Судя по имеющимся у нас источникам, он происходил из среды, на первый взгляд, до удивления простой и незатейливой. По тогдашним понятиям, условия его жизни были самыми обыкновенными, по-другому и не скажешь. Они почти полностью лишены чего-то необычного, и евангельское повествование как таковое не считает нужным их обсуждать. Но именно по причине своей простоты они столь многозначительны.

Как раз молчание источников окутывает его жизнь тайной, и этот покров таинственности бережно и стыдливо скрывает его человеческое бытие, по крайней мере, от непочтительного прикосновения. «Если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем». Похоже, что такое восприятие Павлом Иисуса произвольно заставило евангелистов почтительно замолчать и проявить сдержанность в вопросах, которые, возможно, оказались бы достойными внимания нашего поколения, достигшего своей учености благодаря чтению различного рода книг.

Жизнеописание Иисуса как таковое для нас особого значения не имеет. Образ его мыслей, его дух, то, как происходило его развитие, – вот что для нас значимо. Поэтому здесь нам придется касаться лишь тех моментов, которые важны для понимания его пути к Отцу. Правда, в этом случае он предстанет перед нами во всей своей человеческой реальности, что противоречит взглядам духовенства, церковных служителей, которые предпочли бы вовсе не толковать земную сторону Иисуса, делая вид, будто ее у него и не было.

В глазах окружающих Иисус – всего лишь сын Иосифа, таковым рос и воспитывался.

Если мы задумаемся над общественным положением Иосифа, то увидим, что он был, с одной стороны, носителем достойных самого глубокого уважения родовых и народных тради-

ций, а с другой – представителем третьего сословия, занимавшегося мелким кустарным промыслом.

Иногда, при определенных условиях, в третьем сословии появляется зачаток нового, достигающий впоследствии небывалого развития. Нашим ли современным детям об этом рассказывать... Но вся разница в том, движется ли семья по социальной лестнице вверх или вниз. Если в нашем обществе простой рабочий становится начальником цеха, а кто-то из его детей, чего доброго, выбивается в руководители предприятия, то такая трудная карьера не хуже настоящего живительного эликсира ободряет и наполняет надеждами всех домочадцев. Но если же древний дворянский род в лице своих последних отпрысков вынужден заниматься ремеслом, тогда, как правило, на всю их жизнь накладывается отпечаток деградации, отчего их сознание обращается к прошлому, а не к настоящему.

Обитатели дома в Назарете еще ощущали свою принадлежность к роду царя Давида, но возрождение былого величия казалось совершенно невозможным. И хотя условия жизни Иосифа и Марии вовсе не нужно считать такими уж жалкими, как мы их по обыкновению представляем, вспоминая о яслях в Вифлееме, все же в мирском смысле слова положение Иосифа и Марии было беспросветным. Люди называли бы их бедняками.

Но даже если бы у них и была надежда изменить свою жизнь, то встает вопрос: а куда можно было бы им стремиться? В круг придворных с их возней вокруг царя Ирода? Или к тем выскочкам, тесной толпой окружавшим римского наместника? Оба варианта для израильтянина того времени, принадлежавшего к столь низкому сословию, представлялись особо соблазнительными. На страницах Евангелия, особенно там, где речь идет о рождении Иисуса, сквозит настолько беспрекословная, невысказанная покорность судьбе, что своим появлением на свет он убедил мир в бесплодности надежд на земные блага.

Что можно заключить, прочитав историю о гонениях, учиненных царем Иродом, которая в Евангелии следует сразу за рассказом о появлении восточных мудрецов. Иосиф и Мария находились вне всяких подозрений проницательной службы безопасности – ведь, по ее мнению, они не могли быть родителями претендента на трон. В противном случае чудовищное повеление об истреблении младенцев не приобрело бы такого бессмысленного масштаба. Надо думать, что в первую очередь в поле зрения попали более или менее сомнительные люди и их дети. Отсутствие подозрений в отношении Иосифа свидетельствует о скромности его общественного положения.

Но это свидетельствует и о другом, а именно: совсем незаметно возникает нечто божественное, нисколько не смущаемое мнением людей, хотя это происходит среди белого дня. Пастухи, как, впрочем, и мудрецы, без труда нашли место, где появился на свет Младенец. Посланцы же властных структур отыскать его не смогли, несмотря на имеющиеся у них переписные листы, и оказались не в состоянии сообщить хотя бы самую малость о присутствии божества. Вот так же и теперь на глазах у всех могут происходить наиважнейшие события с участием самого Бога, однако они ускользнут от общественного сознания, равно как и не найдут отражения на страницах газет.

О тогдашнем положении Иосифа следует сказать так: опустился он еще немного пониже, и его семью по меркам той эпохи причислили бы чуть ли не к подневольным людям. Говоря современным языком, ей пришлось бы искать места среди низших слоев третьего сословия. Отягчающим обстоятельством оказалось бы к тому же и великое родословие, которое, скорее, бросило бы тень на нынешнее положение семейства в обществе, чем окрасило его в светлые тона.

То же можно сказать и об обстоятельствах зачатия Младенца. Трудно понять, почему данный вопрос подвергся такому бесцеремонному исследованию, к тому же столь публично и без всякого смущения, в то время как авторы библейского повествования обстоятельств жизни Иисуса сочли необходимым всего лишь дважды коснуться – слегка, осторожно и цело-

мудренно, даже и не подозревая, что эта деликатная история приведет к немислимым по своим масштабам разногласиям в вопросах веры. Приверженцы религиозных словопрений, похоже, не имеют ни малейшего понятия о присутствии Воскресшего. В противном случае они проявили бы больше почтительности. Ведь, по сути, они отрицают воскресение. Пусть не на словах, но зато всем своим поведением. Кто позволил бы себе в присутствии человека обсуждать спорные моменты его рождения?... Так почему же люди допускают такое в отношении Иисуса, которого они в то же время признают Сущим во все времена? Но в принадлежности к ремесленному сословию есть еще одно унижающее обстоятельство, которое порой может оказаться тяжелым бременем, – это зависимость от людей, от заказчиков. Крестьянин в этом отношении находится в более благоприятном положении. Он обращает взор к небу, чувствуя свою зависимость от ветра и прочих погодных условий, а выполнив положенную работу, уповаает на милость Божию как свободный независимый человек, умея и очень высоко ценить свое такое положение. Все своеобразие земледельческого сословия – в основном следствие подобной независимости от людей. У ремесленника же ее нет. Его активность и умение приспособиваться объясняются тем, что он живет благодаря своим заказчикам и страдает от конкуренции. Чувствительные души это угнетает, и никто, пожалуй, в полной мере не избавлен от тяготы такого положения, которое для многих неизбежно становится неукротимым источником жизненных трудностей.

Вот такой была среда, в которой рос Иисус, жалкая с точки зрения общества, отнюдь не благоприятная и не многообещающая.

Дитя Израиля

По духу семья из Назарета была истинно израильской. Пожалуй, больше внутренне, поскольку по внешним признакам это было не так заметно. По сравнению с прочими древними народами у израильтян имелись самые прекрасные условия для получения образования. Хотя израильтян в целом и не считают народом выдающейся культуры, поскольку они не добились успехов в строительстве пирамид, подобно египтянам, и не развили в себе чувство благородной симметрии, подобно грекам и их подражателям, но тем не менее жизнь Израиля позволяла его народу как таковому быть сопричастным определенному уровню образованности. У цивилизованных народов – греков и римлян – образованность являлась уделом лишь «сливок общества», и народ в целом к достижениям культуры доступа почти не имел. Куда хуже обстояло дело у египтян, вавилонян и ассирийцев. Там всем знанием полностью и единолично владели жреческое сословие и высшая знать.

В Израиле – по-другому. В древности это был народ земледельцев и скотоводов, и его образование, по сути, сводилось к знанию великих народных преданий и традиций. Израильский крестьянин всегда отличался очень глубоким миропониманием, и у него всегда находились поводы поразмышлять о былых событиях в жизни своего народа. В том числе и о появлениях пророков или о различных культовых церемониях, жертвоприношениях, священстве. Способность к умозаключениям и духовные импульсы формировали определенное отношение к знанию, которое было свойственно этому народу на протяжении длительного времени.

После возвращения из вавилонского плена все коренным образом изменилось. Культурное наследие уже от одного только общения с великими цивилизованными народами древности стало более живым. В то время в страну проникли и элементы римского и греческого просвещения, достигавшие самых низших слоев народа, и поэтому фарисеи, ревностно оберегавшие в синагогах религиозное наследие, стремились контролировать весь народ с помощью соответствующих духовных служителей и центров религиозного образования. Проповедь и поучение, особый акцент на скрупулезном соблюдении закона – все это было не чем иным, как духовными вихрями, вызванными хлынувшим потоком язычества.

Такое духовное оживление, ставшее поворотным моментом в религиозной жизни, было инициировано и направлялось фарисеями. Оно началось вскоре после возвращения из Вавилона и, по всей видимости, стало внутренне необходимым именно тогда, когда вместе с римскими войсками и чиновниками в страну вступило римское и греческое язычество. В то время наибольшая опасность для правоверных иудеев заключалась в возможности исчезновения веры в живого Бога, да, пожалуй, и всего израильского духа под натиском просвещения, исходившего от нового образования. Отсюда этот строгий, почти фанатически регрессивный тип фарисейства, с которым на каждом шагу сталкивался в своей жизни Иисус, отсюда ревностное почитание Бога и осознание избранничества Израиля, отсюда незыблемая убежденность в том, что достижение Царства Божьего возможно только посредством строжайшего соблюдения догматов древнего вероисповедания. О том, что именно фанатичная религиозность не только не способствует, но самым непосредственным образом препятствует становлению Царства Божьего, конечно, никто не подозревал.

По-видимому, общество было далеко не сплоченным. Безусловно, повсюду уже встречались просвещенные люди, которых не воодушевляла патриархальная израильская вера и ее обычаи, – они-то и оказывались весьма восприимчивы к образу мыслей нового времени, воплощенном в царстве земном римско-греческого типа. Но наряду с этим существовали и решительно настроенные ортодоксальные круги, куда входили люди, обучавшиеся у фарисеев, а они в религиозно-моральном отношении имели явный перевес.

Распространению нахлынувшей волны просвещения способствовала исключительная подвижность еврейского народа. Вернувшихся из вавилонского пленения иудеев торговые интересы привели на рынки побережья Средиземного моря. Евреи занимались этим свойственным им делом как в Александрии, так и на улицах Рима или Коринфа. Их можно было встретить в Эфесе, во всех уголках Малой Азии и даже на островах Эгейского моря.

Но Иосифа и Марию мы видим среди приверженцев древней веры. Это вполне естественно. Духовным средоточием их жизни было великое прошлое Израиля. И эту традицию нигде не пестовали так тщательно, как в синагоге. Уже поэтому синагога смогла стать самым важным местом для обучения. Занятия в иудейской школе сводились к чтению и толкованию Писания. Последовательность используемых при богослужении отрывков из Писания, судя по сегодняшним канонам иудаизма, не была столь скупно ограничена, как, например, у христиан. Кто в церкви вынужден довольствоваться лишь проповедями, обходясь без чтения самого Священного Писания, тот неизбежно будет знаком лишь с незначительной частью Библии. В иудейском обществе перед верующими из года в год предстают во всей своей целостности, по крайней мере, пять книг Моисея. Весьма большое внимание уделяют и Псалтири. В более ранние времена Пророки [имеются в виду исторические повествования о жизни пророков – одна из составных частей Ветхого Завета. – *Прим. пер.*], возможно, играли куда большую роль, чем впоследствии, когда их оттеснили на задний план, чтобы воспрепятствовать христианскому истолкованию многих пророчеств как предвещающих появление Иисуса.

Теперь нам нетрудно представить, какое воздействие оказывала синагога на внимательных слушателей, каковыми, вне всякого сомнения, были Иосиф и Мария. Им не нужно было уметь читать или держать дома Писания, чтобы запечатлеть содержание священных книг в детском уме мальчика Иисуса, сделав их неиссякаемым источником пищи для размышлений.

И такое духовное образование, которым охватывались даже самые низшие слои народа, было довольно значительным. Ведь религиозные книги Израиля составляли одновременно всю его литературу, в них был отражен духовный труд предшествующих столетий. Кто знаком с Ветхим Заветом, тот имеет представление и об общем ходе мыслей народа на протяжении его двухтысячелетнего развития. Отсюда можно почерпнуть для себя многое, особенно если подвергнуть все это глубокому внутреннему осмыслению.

Сегодня еще встречаются в самых простых слоях народа большие знатоки Библии, которые, закончив весьма скромную школу, тем не менее производят впечатление неплохо образованных людей – они учились именно по Библии, постигая ее душой и неустанно размышляя. В самых простых людях благодаря их внутренней собранности и внимательному отношению к Библии естественно появляется нечто по-своему значимое. Это знает каждый, кто общается с народом.

Но если мы теперь представим, с какой внутренней сопричастностью потомки Давида слушали и воспринимали повествования Священного Писания, то неизбежно придем к выводу, что в доме плотника из Назарета господствовал некий своеобразный библейский дух, чему способствовало скромное общественное положение Иосифа. В доме царила жизнь, наполненная волнующими воспоминаниями о великом прошлом.

Эту особенность евангелисты удивительно точно описывают такими словами: «А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем». Наверное, и Иосифу приходилось «слагать в своем сердце» многие из тех переживаний, которые выпали на его долю. Но что из этого мог черпать для себя ребенок Иисус, представить нам трудно. Он рос, овеваемый таким духом, и вскоре между родителями и сыном с неизбежностью установилось удивительное взаимопонимание, которое на всех действовало умиротворяюще, а подрастающего мальчика формировало духовно, делая совершенно излишним дальнейшее обучение в школе.

Двенадцатилетний

«Вот когда я вырасту...» – мечтательно говорят наши дети, принимаясь излагать грандиозные планы. И мальчик Иисус жаждал такого дня – не столько для того, чтобы приступить к осуществлению потрясающих планов, сколько стремясь наконец-то найти ответы на вопросы, которые рождала в нем жизнь в родительском доме, но не давала на них ответа, по крайней мере полного. Если единственной духовной пищей, доступной ребенку, является Священная история и весь дом наполнен этим смыслом, то вокруг ребенка начинают оживать ее повествования. Его мысли и переживания пронизаны духом этой истории, он видит воочию древние события и сопереживает им всем своим существом.

Что же тогда говорить о мальчике Иисусе! Мечтатель Иосиф, которого братья продали в рабство и который стал управителем всего Египта, и юноша Давид, одолевший филистимлян, были его предками, его кровными родственниками. Священная история была историей его дома. Все эти люди ходили пред Богом и стали теми, кем они стали. Так где же Бог? Где Бог сегодня? Что Он сегодня делает? Эти жгучие вопросы неизбежно вставали перед ним.

Если думающий ребенок однажды начинает задавать вопросы, то родителям лучше стараться давать правильные ответы.

Такая потребность задавать вопросы, свойственная ребенку, доставляла матери, наверное, самые большие трудности. Ведь мать – всегда тот ближайший человек, которому в первую очередь вопросы и задаются. В данном случае мать была заранее извещена о том, что ей предстоит воспитывать дитя, уникальное в своем роде. Оттого ее ноша казалась вдвое тяжелее, но и вдвое драгоценнее. И вдруг увидеть, что ее дитя поглощено лишь одним устремлением! Все другие дети легко отвлекаются, на каждом шагу чистая божественная благодать омрачается отвратительными наклонностями. Но здесь были искреннее детское простодушие и одновременно величие, повергавшее взрослых в смущение.

Ах, эти вопросы! Ни один ребенок никогда не поймет, почему люди без промедления и энергично не берутся за то, что ему кажется правильным. Почему сегодня отношения с Богом во многом складываются иначе, чем прежде? Почему люди не торопятся энергично исправлять то, что поддается изменению?

Конечно, Мария не раз рассказывала ему историю о Давиде. И историю о сыне Давида, содержащую знаменательное предсказание: Я хочу быть его Отцом, а он должен стать Моим Сыном. Кто же в таком случае сын Давида? Соломон? А отец – это Бог! Спасительной, облегчающей душу истиной запали в душу ребенка эти слова Ветхого Завета. Или взять хотя бы ту самую молитву Исайи: «Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твое: „Искупитель наш“». Вот что нам нужно. Но где это?

Когда подрастешь, тебе это станет понятнее, говорят нам обычно в таких случаях. Так же говорила и Мария, когда у нее не было другого выхода. И этот день наступил. У иудеев день религиозного совершеннолетия наступает быстро. Уже в двенадцать лет за еврейским мальчиком признаются такие права, которые нашим детям даются позже, во время конфирмации, а именно – религиозные права наравне со взрослыми. Отныне он считается «бар мицва» [сын заповеди. – *Прим пер.*] и отныне ему можно входить в храм, совершать жертвоприношения, читать Писание, трактовать его и задавать вопросы.

Задавать вопросы! Как жаждал этого ребенок! Когда ему исполнилось двенадцать лет, родители взяли его с собой в Иерусалим, на праздник Пасхи. В храме, думал Иисус, мне растолкуют все мои вопросы, ведь там священники, устами которых с древних времен говорит Бог. Там уж точно почувствуешь присутствие Бога! Бедное, наивное дитя!

Все праздничные дни напролет ребенок задавал вопросы, внимательно вслушивался в ответы и снова спрашивал.

Наконец праздник кончился, а он его и не заметил. Он спрашивал потому, что полагал: вот сейчас это обязательно наступит, нечто великое и прекрасное. Он терпеливо ждал, а то, о чем страстно мечтал, так и не наступало. Ученость запутывала смысл происходящего и не касалась главного, а ребенок все спрашивал и слушал, будто готовился к долгим годам удивленных размышлений.

В Библии не говорится, пытался ли Иисус когда-либо еще обратиться с вопросами к книжникам в храме. Разочарование жаждущего истины ребенка, похоже, было, настолько велико, что он больше никогда не искал у них ответов. Как мы видим, в последующие годы он находит ответы либо в Писании, либо – что для многих более естественно – в природе, но никогда – у книжников.

В храме можно было проводить целые дни и недели. Там имелось много разных помещений, в том числе и для жилья. Еды тоже хватало. Родители оказались беспечными. Им еще не случалось беспокоиться о сыне, и, что характерно, с ним вообще не возникало проблем. Поэтому они отправились домой, не сомневаясь, что он ушел вперед со знакомыми. Вовсе нет! Кто-то видел, что он остался в храме. Тогда они поворачивают назад, обыскивают весь Иерусалим и лишь спустя целых три дня находят его. Он все еще в храме. Что ты сделал с нами? «Зачем было вам искать Меня?... Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему...»

Они ведь сами рассказали мальчику об Отце и отвели к Нему его, двенадцатилетнего, а теперь ищут где угодно, но только не у Отца. Как этот отрок постоянно всех изумлял! Он действительно всерьез относился к тому, что ему говорили. Для родителей это стало сушей бедой. Мы слишком уж привыкли, что наставления не приносят плодов. И не устаем увещевать – в надежде, что хоть что-то воплотится в реальность. Но здесь родительские слова возвращались к ним в виде поступков. И ребенок посрамлял их своей правотой. Родителям надлежало искать его у Отца, на Которого они сами ему указали.

А не следует ли всех детей вначале искать именно у Отца, Которому мы их доверяем с малых лет? Скольких недоразумений между родителями и детьми можно было бы тогда избежать! И дети росли бы в атмосфере бесконечного доверия, а их самостоятельные поступки, порой непонятные нам, мы анализировали бы вместе с ними, проявляя известную почтительность к Отцу и Его власти, а не отмахивались бы от проблем. Много из того, что в наших

детях кажется нам непостижимым, – посеяно нами, но оно дало совсем не те ростки, которых мы ждали. Но тогда причина кроется в нас, а не в них!

«А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем». О милая, драгоценная мать! Подле такой матери ребенок может достичь многого. Она живет только им и внимательно следит за его становлением. Большинству детей недостает именно такой матери – не «воспитывающей» в соответствии с собственными представлениями и взглядами, а позволяющей развиваться самостоятельно, лишь по-дружески и чутко оберегая его своей материнской любовью и заботой!

Почему лишь немногим людям удается проявить свою индивидуальность, которая, без сомнения, была в них заложена при рождении? Да потому, что они с детского возраста подвергаются слишком усердному давлению воспитателей, внушающих, что наилучший путь в жизни – тот, который непременно согласуется с незыблемыми общественными воззрениями и правилами приличия. К ним-то нежное чадо должно приспособливаться. В итоге оно либо выпадает из общества, либо становится неотличимым от большинства. Как же нужны матери, способные «слагать в сердце своем» сущность развивающегося ребенка, не калеча его неуклюжим вмешательством.

Одно воспринял мальчик от своей матери на всю жизнь – слово «Отец». На Отце сосредоточились все его помыслы. Та мать, благодаря которой ребенок принадлежит в первую очередь Отцу, воистину величественна!

Отец – это полное значимости слово звучало из уст Иисуса столь мощно, что и сегодня мы не в состоянии постичь его пределов. Нам предстоит вначале снова научиться правильно открывать для себя эту всеобъемлющую истину – Отца. Она должна стать тем рычагом, которым мы научимся приводить в движение весь мир, тем источником энергии, из которого к нам хлынут бурные потоки новой жизни. Нам нужно обязательно научиться искать то, что нашел Иисус.

Иисус совершенно ясно понял: тем путем, которым идет он сам, должны пройти все, ибо это путь к Отцу. Так древнее провидение уже в ребенке обнаружилось в виде новой истины, и из такого ребенка вырос муж, возжелавший явить миру Отца и продолжающий Его являть и поныне.

Взросление³

Первая притча о трапезе

Минуло двадцать лет. Мальчик превратился в Учителя, пользующегося большим авторитетом у друзей и врагов. Как-то его пригласили на субботнюю трапезу в дом одного из фарисейских начальников. Само по себе это уже было высокой наградой для человека из народа, к тому же не принадлежавшего к партии фарисеев. Но стоило ли этому радоваться? Ведь он тотчас оказался под пристальными взорами гостей, прислушивавшихся к каждому его слову. Так обычно относятся к людям, которым не доверяют и о которых очень хотелось бы составить ясное мнение. В таких случаях «ясное» означает, как правило, отрицательное.

Стоило только Иисусу переступить порог дома, как возникло замешательство. Была суббота, а он исцелил человека – у них на глазах, и они даже не могли тому воспрепятствовать. И вот сели за стол. В комнате, где расположилось высокодуховное общество, воцарилась гнетущая атмосфера.

И тут он заговорил – о порядке за трапезой. Это произошло как бы само собой. Он всегда сразу реагировал на свои впечатления, ибо был самым что ни на есть естественным человеком, которого только можно себе представить. Человеком, который жил каждым мгновением, умел извлечь из него пользу и сообразно с ним сделать следующий шаг в жизни.

Гости этого высокодуховного хозяина были не согласны с тем, как их рассадили. Разместить гостей за столом – задача для хозяина не из легких. Но в данном случае она озаботила именно гостей. Каждый полагал, что его место уж точно среди первых. И каждый думал: лично мне это не так уж и важно, но вот достоинство, должность и само существо вопроса того требуют. Сбрасывать со счетов это не следует. Интересно узнать, какое место отвели Иисусу, но, впрочем, тут легко догадаться. А вот о том, куда его посадить, они и не подумали. Даже самое последнее место в этом доме казалось для него слишком почетным.

Пока приглашенные переговариваются между собой о первых и последних местах, скорее не столько вслух, сколько с помощью выразительных взглядов и ужимок – таких людей обычно лучше узнаешь, когда они не говорят, – вдруг раздается голос Иисуса. Гробовая тишина. Подобным людям в таком обществе лучше сидеть, не проронив ни слова.

Когда ты будешь кем-либо позван, то лучше всего, придя, не занимать почетное место. А вдруг кто-то из запоздавших званых окажется почетнее тебя. Тогда звавший тебя и его, подойдя, скажет тебе: уступи место. И придется со стыдом занять последнее место. Но когда, придя, сразу займешь последнее место, то хозяин, окинув взглядом стол и подойдя к тебе, скажет: «Друг, пересядь повыше». Тогда будет тебе воздана честь перед присутствующими.

Такая простая и отрадная истина стала настолько популярной, что даже сегодня многие не отличающиеся большой скромностью люди оспаривают друг у друга последние места – с тем чтобы потом их настойчиво попросили пересесть повыше!

Но у Иисуса в житейской мудрости всегда проглядывало нечто большее. Сама по себе она для него ничего не значила, и потому он добавляет: всякий, возвышающий самого себя, унижен будет, а унижающий себя – возвысится. Тут было над чем задуматься, и это, наверное, надолго поразило воображение гостей. Конечно, порядок за столом вскоре был восстановлен, но все пребывали в молчании и задумчиво жевали. Желание поговорить больше не возникало.

---

³ По Евангелию от Луки, 14:1-24. На страницах той книги редко приводятся ссылки на Библию. Но некоторые тексты Библии рекомендуется перечитать, поскольку изложение основывается на них и автор приводит их в свободном пересказе. Библейские отрывки почти никогда не приводятся дословно, передается только их смысл.

Так проходил этот обед. Пока убирают посуду и готовятся к следующей перемене блюд, гости непроизвольно переглядываются. Тут самое время для беседы. Иисус тоже поднял глаза и посмотрел на собравшихся. Все они принадлежали к «обществу». Без сомнения. Ничто не нарушает так трапезу, как социальное неравенство приглашенных на нее. Наверное, Иисус был единственным, кто не принадлежал к этому «обществу». Но он ведь, как всем известно, сегодня исключение, на которое просто захотелось посмотреть поближе. Он сидел на последнем месте. На первом месте, напротив него, восседал хозяин дома.

Вот Иисус снова заговорил. Присутствующие, как по уговору, сразу замолкают. В таких чопорных компаниях все непросто. Он обращается непосредственно к хозяину дома, но его взгляд спокойно скользит по лицам гостей.

Когда устраиваешь большой пир, не зови туда ни родственников твоих, ни братьев твоих, ни друзей богатых, ни соседей. Они постараются отплатить тебе за приглашение тем же, и в результате само общение в значительной степени перестанет быть дружеским, сердечным. Эти качества несовместимы с вынужденным гостеприимством.

Ах! Сегодня это известно каждому, кто вздыхает под бременем общественных обязанностей и необходимости отвечать взаимностью. Все проходит великолепно и удается на славу, вот только одного недостает – искренней радости, которая бы просто и непринужденно объединяла сидящих за столом. Кто с этим не сталкивался! Однако никому не под силу изменить заведенный порядок. Никто на такое не осмеливается. Здесь Иисусовой истиной люди еще не прониклись.

Но все завершается добрым советом. Когда устраиваешь пир, продолжает Иисус, зови нищих, увечных, хромых и слепых. И блажен будешь, что они не могут отплатить и воздать тебе.

Как легко в повседневной жизни испытать блаженство! Нам же постоянно обещают, что мы однажды, очень может быть, и обретем блаженство, когда... когда... когда... и когда умрем. А тут Иисус во всеуслышание заявляет: собери за своим столом подходящее общество, и ты блажен уже сейчас. И воздастся тебе в воскресение праведных – и вновь к присутствующим обращено мудрое слово.

«Он опять за свое! Подбирают таких людей на улице, приводят в приличное общество, а они потом позволяют себе лишнее, завладевая разговором за столом» – так про себя думал каждый из почтенных гостей. Наморщенные лбы и губы, растянутые в усмешке. Наверное, кто-то складывал руки на животе, окидывал всех быстрым взглядом. А затем кроткий до тошноты голос едко и наставительно произнес: «Блажен, кто вкусит хлеба в Царстве Божьем!»

Неопровержимая истина. Оказывается, и другим под силу вести нравоучительные разговоры. Но эти хотят лишь стать блаженными, и где – в Царстве Божьем. А прежде предстоит еще долго жить в земной печали.

В ответ Иисус рассказывает небольшую, но очень многозначительную притчу. Конечно же, опять о трапезе. Притча как раз о том, что испытывают сидящие за этим столом.

Один человек устроил пир и пригласил на него многих, и, когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: «идите, ибо уже все готово». Но они один за другим стали с извинениями отказываться от приглашения. Первый сказал: я купил землю, мне нужно сделать купчую и осмотреть участок; прошу тебя, извини меня. Другой только что купил волов и извинился, потому что быть при скотине ему казалось важнее. А третий и вовсе не извинился. Он только что женился и не мог прийти.

«Земледелие – осмотр волов – молодая жена!» – кто-то в Библии внизу этой страницы подытожил случившееся. Для многих и сегодня подобные обстоятельства – серьезное препятствие к достижению Царства Небесного!

Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: «пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых», то есть именно тех людей, об отсутствии которых Иисус только что сожалел.

«Господин! Исполнено, как приказал ты, и еще есть место»...

«Так пойдя по дорогам и изгородям и убеди прийти, чтобы наполнился дом мой».

Удивительная притча, притча для всех народов, на все времена! Мы, читающие ее сегодня, все еще познаем на собственном опыте ее смысл.

И этот пир, эта трапеза достойного хозяина дома есть не что иное, как Царство Божье – да, да, именно трапеза.

– А вам, – тут рассказчик обратился именно к сидящим с ним рядом, – я скажу, ни один из мужей, сюда приглашенных, не отведал моего пира.

Похоже, после этого у всех пропала тяга к назидательным разговорам. И все гости в подавленном настроении молча разошлись. Многое им довелось услышать, было над чем подумать. А Иисус говорил всего лишь о трапезе.

Рассказывание историй

Никто и никогда не рассказывал истории столь необычным образом, как Иисус. У него предельная простота сочетается с исключительным мастерством изложения, и поэтому его истории действуют на слушателя своеобразно: вначале кажутся забавными, но потом захватывают настолько, что больше уже не отпускают человека, надолго завладевая мыслями. Наверное, именно поэтому их следует рассказывать с величайшей осторожностью. Иначе их своеобразие и воздействие легко утрачиваются. О назидательности они позаботятся сами.

Но по причине своей исключительной наглядности они не кажутся надуманными, а все без исключения похожи на события, которым рассказчик всего лишь придал своеобразную окраску, чтобы они уводили из повседневности в Царство Небесное. В вышеприведенной притче о трапезе реальность происшедшего и сегодня ощущается настолько явственно, что перед глазами, как на картине, вновь предстают все общество и все перипетии трапезы. Рассказы Иисуса подобны ожившим фотографиям, передающим прошлое в виде запечатленной в данный момент реальности. Но если присмотреться внимательнее, то на них можно увидеть и себя, подобно тому, как такое порой случается во сне, и тут замечаешь, что все это имеет отношение и к собственной жизни. Слышится голос вечности.

Очень может быть, что каждая история Иисуса и каждая его притча суть пережитая и подмеченная реальность, а не чистый вымысел. Но все повседневное, стоит только Иисусу заговорить об этом, превращается в нечто совсем необыкновенное, отзвуки которого теряются в бесконечности.

Вот несколько примеров.

Два человека пришли в храм помолиться. Иисус их увидел. Если ты разбираешься в людях, то по выражению лица и позе молящегося нетрудно догадаться, о чем он молится. Лицо того, кто стоит самоуверенно возле алтаря, говорит о сытости, его глаза воздеты к небу. Время от времени он строго и самодовольно оглядывается вокруг, всматриваясь в присутствующих, и бормочет: благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как прочие люди. Я соблюдаю пост дважды в неделю и исправно отдаю десятину.

Другой же стоит позади, прижавшись к двери, стараясь быть никем не замеченным, потому что взоры окружающих, особенно того знатного молящегося, его ранят. И он не поднимает глаза к небу, стыдясь и перед Богом и перед людьми, только бьет себя в грудь и, вздыхая, произносит: Боже! Будь милостив ко мне, грешнику!

Запечатлевая обе фигуры в своей душе, Иисус взирал на них, стоящих в храме, уже как бы из Царства Небесного. И тут он понял, кто из двоих уйдет из храма более оправданным. Позже он рассказал об увиденном святошам – в виде притчи.

Но Иисус умел толковать по-своему не только увиденное, но и услышанное.

Стоит только людям собраться вместе, как они тут же, к сожалению, начинают сплетничать. Неукротимое желание рассказать что-нибудь необычное и поведать о чем-нибудь пикантном было свойственно людям и в древности. Этим они не гнушались и прежде, задолго до времени Иисуса. Людям ведь и в голову не приходит, что, пересказывая неприглядные подробности чужой жизни, они делают нечто предосудительное и несправедливое. Они имеют обыкновение говорить: но ведь это правда, тому имеются подтверждения, что ж тут несправедливого?! И совсем не замечают, что пересказ сплетен не остается для них безнаказанным, что рассказчик самым непосредственным образом оказывается вовлечен в то, что он сообщает. Плен, из которого многим людям уже не вырваться.

Одна из таких историй, о которых порой все только и говорят, привлекла внимание и Иисуса. Старая, всем хорошо известная история. Управляющий имением обманывал своего хозяина. Что же, в те времена ничего удивительного в этом не было. Но, как правило, эти господа особой изобретательностью в своих махинациях не отличаются. Поэтому говорить тут особо нечего. Нанявший управляющего бывает доволен, если от его плутовства нет большого вреда. Ведь всем известно, как подобное делается, и хозяин вмешивается по обыкновению лишь тогда, когда обман переходит всякие границы. И дело в большинстве случаев заканчивается позорным изгнанием управляющего. Но к тому времени он уже оказывается в состоянии на свои «скромные сбережения» приобрести собственное поместье. Его дети тоже, в свою очередь, нанимают управляющих, и все возвращается на круги своя.

Но в том случае управляющий поступил весьма хитроумно, отчего и возникло много шума. Он тоже обманывал, транжирил и бережливостью не отличался. Когда же в один прекрасный день он понял, что неминуемый конец вот-вот наступит, тогда разработал очень неглупый план, что само по себе для таких людей шаг примечательный. Воспользовавшись доверенностью, выданной ему как управляющему, он заключил со всеми арендаторами имения долгосрочные договоры на исключительно благоприятных и льготных для них условиях, но взамен обязал их делать регулярные платежи в свою пользу. Теперь позорное увольнение было не страшно, нужда ему не грозила, да и работать было вовсе необязательно, поскольку он, как и прежде, получал доходы с имения своего бывшего хозяина и продолжал жить за его счет. Сам же хозяин – по крайней мере, пока новые договоры оставались в силе, – ни с ним, ни с этими законными договорами ничего поделаться не мог. Придумано было настолько хитроумно, что даже у обманутого хозяина чувство юмора возобладало над справедливым негодованием.

На эту историю обратил внимание слушателей Иисус. Однако он посмотрел на нее с другой стороны. Люди называли управляющего умной головой. Иисус же опечалился: сколько драгоценных человеческих сил, уготованных для Бога, растрачивается на подобные глупые проделки, которые в итоге ничего не приносят, кроме незаконно нажитого добра! Вот если бы эти силы обратить на служение Богу! Если бы, к примеру, люди однажды сами использовали богатство для того, чтобы в соответствии с замыслом Бога облегчить своим ближним бремя жизни. Какими прекрасными отношениями любви и признательности наполнилась бы тогда жизнь! Какие блага доверил бы Отец людям, которые сегодня даже еще не научились обращаться с деньгами так, чтобы извлекать из них настоящую пользу!

И все язвительное и насмешливое в этой истории сразу померкло. В устах Иисуса она превратилась в историю о Царстве Небесном. И тем, кто ее таким образом воспринимает, не так уж интересна сама хитроумная проделка управляющего, которого иначе как беднягой не назовешь. Он начинает понемногу замечать великую потрясающую заботу о нас Отца Небесного и видит отныне несчастных людей, запутавшихся в своем прислуживании маммоне. А

они ведь могли бы так свободно, счастливо и отрадно проявлять себя в служении Богу. И эта история больше не кажется чуждой нам – она касается нас самих, и притом самым непосредственным образом.

Многие притчи Иисуса можно было бы без труда увязать с подобными случаями из жизни. Истории о неправедном судье, добром самарянине, сеятеле, рабочих в винограднике и другие позволяют вообразить реальные события, послужившие их появлению. В устах Иисуса истина и реальность соприкасаются необычным, привлекательным и незабываемым образом.

Тут легко заметить такую особенность Иисуса, как способность целиком и полностью отдаваться мгновению, при этом всегда ощущая внутреннюю связь с Отцом и всецело воспринимая всякое внешнее событие. И тогда все увиденное Иисусом вовлекалось им в своеобразное движение к Отцу. В каждом шаге, в каждом слове Иисуса нам видится живая, деятельная и впечатлительная душа. И эта душа черпает свои силы из умиротворенного пребывания в Отце, оставаясь невозмутимой и сопричастной вечности.

Кому Христос интересен «по плоти своей», тот в конце концов мог бы вычленив всю его биографию из притчей, которые у него рождались под влиянием соответствующих событий. Это было бы умно и отдавало эстетством, однако никакого или почти никакого значения не имело бы. Но поскольку здесь Иисус интересен нам именно как человек в своем развитии, то вполне позволительно взглянуть на некоторые этапы его внутреннего пути к Отцу, опираясь на внешние жизненные обстоятельства. В этом нам должны помочь его притчи. Но только в этом!

Семья в Назарете: домашний уклад

«Он был в повиновении у них» – вот все, что евангелист сообщает о домашнем укладе семьи из Назарета. Отсюда принято делать вывод, что взрослеющий сын помогал Иосифу в его ремесле до тех пор, пока не достиг 30-летнего возраста. Данный период жизни чрезвычайно важен в становлении любого человека, и Иисус не был исключением. Конечно, внутренне он ощущал свою принадлежность Отцу. Но все же нам очень хотелось бы знать, как он рос – ведь это важно для понимания его жизни.

Если Иисус был впечатлительным, живым и простодушным человеком, каким нам рисуют его евангелисты, то кажется весьма примечательным, что из обстоятельств юношеских лет, вроде бы отданных ремеслу, – а таких лет было примерно 15, – к нашему удивлению, лишь немногие нашли отзвук в его притчах, в то время как столько прочих событий легко обрели в них свое место. Конечно, ремесленный труд ему был не чужд. Он рассказывает о здании, возводимом на скале, о строительстве башни, расходы на которое нужно прежде оценить, чтобы не оказаться потом в смешном положении или не потерпеть неудачу с ее возведением. Вполне возможно, что известные слова о пощечине, на которую не нужно отвечать тем же, а лучше подставить другую щеку, связаны с какими-то случаями в жизни окружающих. Но других отголосков продолжительных ремесленных трудов, пожалуй, и не найти. То, что он занимался плотницким делом регулярно, представляется в высшей степени маловероятным.

Казалось бы, что тут удивительного. Кем был Иосиф? Плотником. Обыкновенным плотником, который подражался выполнять несложные строительные работы в сельской местности. И до сегодняшнего дня подобная практика на Востоке весьма распространена, поэтому плотник ведет своего рода кочевую жизнь. Такая профессия часто заставляет неделями быть вдали от дома, вдали от семьи. Но чтобы домашнее хозяйство не пришло в упадок, логика подсказывает: взрослому сыну следует брать на себя роль хозяина в доме и замещать отсутствующего отца, вместо того чтобы отправляться подрабатывать вместе с ним. Хотя порой такое бывает выгоднее, но, скорее всего, на короткое время – в противном случае это смысла не имеет. Куда

полезнее трудиться сыну дома, пока отец где-то на стороне зарабатывает деньги. И по сей день на Востоке все происходит именно так.

Если мы, что вполне естественно, посмотрим на быт семьи в Назарете под таким углом зрения, то совершенно неожиданно для себя найдем подтверждение всего этого в словах Иисуса. И не только этого. Еще мы увидим, как вел себя Иисус в подобных условиях, как он развивался, и вопрос, занимающий нас в данный момент, станет ясным и понятным.

Вот он предстает перед нами совсем еще маленьким мальчиком. У первенца есть непреходящая привилегия – везде и во всем помогать матери, даже когда его помощь сама по себе не так уж и нужна. Одно его живое, участливое внимание и постоянное присутствие уже доставляют ей радость и облегчение. Именно Иисуса видим мы рядом с матерью, поскольку впоследствии в мыслях он непрестанно возвращался к своим детским, самым незабываемым впечатлениям.

Пекут хлеб. Какой ребенок не любит наблюдать за этим! Вот перед изумленным детским взором предстает таинственная жизнь дрожжей и опары, которая не остается в покое, а бродит до тех пор, пока не заквасит весь хлеб. Нашим, современным детям восхищаться этим не дано, поскольку такого им в городе уже не увидеть. Но процесс сам по себе удивителен и наводит на размышления: каким образом столь ничтожное количество дрожжей за несколько часов справляется с такой большой массой теста, набирая силу, пронизывает его.

И становится понятным течение мыслей мальчика, созерцающего это чудо природы. Позже он скажет: то же и в Царстве Небесном. То же я видел, когда пекли хлеб. Все его помыслы были устремлены к Отцу, и с этой основы мальчик с безраздельным вниманием всматривался в любые процессы земной жизни, происходившие во всем, что представало перед ним на каждом шагу. Вот он, наилучший путь к образованию, превосходящему любое школьное: нужно во все всматриваться из некоего незыблемого центра мироздания и всесторонне обдумывать увиденное. Именно размышление сделало иных людей великими, а не знание, которое нам внушают, хотя мы до конца его и не понимаем.

Таковыми глазами Иисус смотрел на все. Вот разжигают очаг в доме. Любой ребенок проявляет в этом живейшее участие, внимательно следя за тем, как маленькие язычки пламени, вспыхнув, постепенно разгораются и начинают бушевать подобно пожару. Ему также известно, что порой очаг, как ни старайся, разжечь не удастся, и приходится с большой тщательностью делать все новые и новые попытки, прежде чем появится надежда на то, что скоро заплещет огонь. И Иисус, подобно всем детям, не пропускал такого зрелища, но мысли его словно направлял Отец: с Царством Небесным, должно быть, все обстоит именно так, как и с огнем в очаге. Позже он говорил своим ученикам: огонь пришел я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!

Наблюдая за работой матери, он усвоил, что свечу нельзя ставить на пол, нельзя накрывать сосудом. У какого ребенка не сохранились воспоминания о таинственном полумраке в доме, когда свечу иногда все же ставят на пол, или о ее необъяснимом медленном угасании, когда над ней держат какой-нибудь сосуд.

К тем наблюдениям за хлопотами матери восходит воспоминание о новых лоскутах, которые нельзя пришивать на старую вещь, поскольку ветхая ткань не выдерживает нового. Мы видим, какой порядок поддерживала Мария в своем нехитром домашнем хозяйстве, где подобная рассудительность наверняка не редкость. Мы видим большие, мечтательные глаза ее сына, которые с любовью и восхищением наблюдают за происходящим, всей душой отдаваясь мгновению и одновременно живя в том, что принадлежит Отцу. Неужели не сохранилось ни одного детского воспоминания о том, как иной раз приходилось выметать весь дом, чтобы найти потерянную монетку? Радость, когда она обнаруживалась, была настолько велика, что ею делились даже с подругами и соседками. Отсюда нам становится ясно, что денег в доме постоянно не доставало. Мальчик задумывался над этим и позже говорил: как делала моя мать, так должно

быть и в Царстве Небесном. Именно от матери начинался для него путь к Отцу, к Отцу всего и всех. Всмотриваясь, он замечал владычество Отца – вначале в домашнем хозяйстве, которым управляла его мать, а затем и во всей Вселенной.

Здесь берет начало его отношение к бесчисленным вещам и явлениям. Еще тогда он, например, подметил необычные свойства соли. Чтобы проявить себя, она должна исчезнуть, но, исчезая, соль предохраняет пищу от порчи и распространяется по ней до тех пор, пока вся пища не приобретет присущий ей привкус. Саму же соль при этом не видно. «Если соль утратит силу...» – из этого даже можно узнать, какой солью пользовались в доме. Каменная соль не теряет своих свойств, иное дело – выпаренная из морской воды. Тогда она ни на что негодна, остается лишь выбросить ее. Домашний обиход позволял заметить и моль, и ржавчину, этих двух злейших врагов любой домохозяйки, и т. п. Все это свидетельствует о более чем скромном домашнем хозяйстве. Матери приходится справляться со всеми делами, и зачастую без помощи служанки. Не исключено, что последнее обстоятельство в значительной степени способствовало атмосфере уюта и задушевности в доме. И сегодня отсутствие служанки с лихвой вознаграждает хозяйку дома за ее труды и лишения.

Взрослеющий юноша

Не так уже редки дети, которым свойственно известным образом видеть Царство Небесное. Они восприимчивы к рассказам матерей об Отце Небесном и, размышляя на эту тему, по своему увязывают события собственной жизни с библейскими историями. Но такое ощущение у них обычно со временем исчезает. У большинства детей в период их земного становления и роста оно заслоняется другими чувствами. Тогда возникает представление о непреодолимой пропасти между чувственным и божественным, и человеческое мышление сосредоточивается на очевидных явлениях нашего мира. Тот, другой, мир остается недостижимо далеким.

Однако у Иисуса с годами не пропала способность видеть Отца, а ведь для Отца никакого разделения мира на земной и потусторонний не существует. Царство Небесное повсюду окружает нас, оно – в любом реальном явлении и везде одно и то же. Мы прямо-таки видим, как Царство Небесное постепенно становилось для него реальностью земного мира, и эта особенность, всегда отличавшая Иисуса, сформировалась уже в те годы. Став взрослым мужем, он нередко говорил то, о чем в детстве только догадывался.

Иисус первым из людей понял, что никакого различия между этими двумя мирами нет. Нет и ничего противоестественнее такой двойственности. К сожалению, это главное заблуждение всех религий без исключения. Над всеми нами властвует смерть. Царство Божье – вечно, оно не знает никакой разделенности на посюсторонний и потусторонний миры, ибо жизнь в нем никогда не кончается и любая смерть побеждена. Обращение жизни к свету – вот самое великое деяние Иисуса, которое, к сожалению, и по сей день, можно сказать, все еще не замечено и не осмыслено людьми.

Обязанностью подрастающего юноши было заменять отца, которого ремесло часто уводило из дома. А посему Иисус трудился в саду и в поле. Там он увидел дерево, которое приносит только хорошие плоды, и тернии, с которых не соберешь винограда. Там он стоял у великолепной смоковницы, возвещающей своими нежными молодыми побегами о приближении весны, – ее нужно было окапывать, подкармливать и ухаживать за ней с немалым терпением, как если бы она непременно принесла плоды. Там, пуская драгоценные ветви, рос виноград. Ветви неотделимы от виноградной лозы, потому что они вырастают из нее и благодаря ей. Без нее они не принесут ягод. Чтобы урожай был лучше, лозу нужно освободить от ветвей, не приносящих плода. Там он трудился вместе с работниками, которых по весне приходится нанимать даже скромному хозяину. Там он подмечал свойства вина и виноградного сусла и учился наполнять мехи.

Работая в саду, он имел обыкновение наблюдать за неубиваемым червем. Мы видим его сострадательно склонившимся над этим несчастным созданием и размышлявшим: неужели ты до сих пор все еще не почувствовал и не заметил своей жалкой участи? В саду и в поле он учился разбрасывать семена. В который раз он наблюдал за развитием семени и не уставал дивиться тому, как из маленького горчичного зернышка вырастает высокое растение с пышными ветвями – прямо как в Царстве Небесном. Все, все происходит одинаково. Все едино, исходит из одних рук, служит единой цели, и эта цель – Отец.

Так может говорить только тот, кто сам познал происходящее, все почувствовал и жил мыслями об этом. Отрешенная от мира ученость не в состоянии столь просто рассуждать о подобных вещах.

Как правило, в таком нехитром хозяйстве есть и немного пахотной земли. В этом случае ее возделывание тоже ложится на сына. Однажды из уст его прозвучали слова, произнести которые способен лишь тот, кто сам ходил за плугом. Тому, кто этого не испытал и плуга в руках не держал, подобного просто не понять, а выразить и тем более. Вот они: ни один из тех, кто, возложив руку свою на плуг, озирается назад, не благонадежен для Царства Божьего. Во время любых работ можно немного посмотреть по сторонам и дать себе короткую передышку, но только не тогда, когда пашешь землю. Это знакомо лишь тому, кто сам изо всех сил старался прокладывать прямую борозду, кому оскорбительно видеть безразличие наемников, которых не волнуют ни остающиеся порой за ними кривые борозды, ни зеленые «островки». По пашне почти весь год прохожие будут судить о работе пахаря, и никакую оплошность уже не исправить. Вот потому-то и нужно смотреть все время вперед, не оглядываясь, – прямо как в Царстве Божьем, думал Иисус, вспахивая землю.

Такое знание труда пахаря, которое обретается только в процессе работы в поле, чувствуется и в истории о сеятеле, умирании и воскресении пшеничного зерна, скудном посеве и скудном урожае, в толковании погоды по вечерним облакам и южному ветру, во всем рассуждении о поле и растущих на нем лилиях, о воробьях. Какую замечательную притчу он позже рассказал, вспомнив птиц и полевые цветы! Уже юношей он смотрел на них так, будто они были посланцами Царства Небесного. Став взрослым мужем, учил такому видению других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.